

УДК 8:81

О ФИЛОСОФИИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (основные понятия и проблематика)

О.В. Финогенко

Статья посвящена описанию философских оснований и составных компонентов современной информационно-психологической войны. Рассмотрены понятия «субъект», «актор», «объект» и «мишень». Особое внимание уделено роли печатных СМИ в операциях информационно-психологической войны, рассмотрено понятие технологии этой войны в массмедиа. Показаны способы противостояния информационной агрессии и обеспечения информационной безопасности общества. Охарактеризована лингвистическая проблематика информационно-психологических войн.

Ключевые слова и фразы: философия войны; информационно-психологическая война и её составляющие; информационная безопасность.

ABOUT PHILOSOPHY OF INFO-PSYCHOLOGICAL WARFARE (concepts and issues)

O.V. Finogenko

The article describes philosophical foundations and integral components of contemporary info-psychological warfare. Such concepts as “subject”, “actor”, “object” and “target” of information warfare are analysed. Special attention is paid to the role of mass media, in particular, print media in the operations of info-psychological warfare. The author analyses ways to counterbalance cyber attacks and to provide community information security. The author discusses some linguistic issues of info-psychological warfare.

Keywords and phrases: philosophy of war; information warfare and its components; information security.

Актуальность темы настоящей статьи определяется неослабевающим интересом общества и науки к проблемам информационно-психологических войн (далее – ИПВ). Сегодня информационная война стала предметом изучения многих специалистов. Упомянем наиболее существенные работы с позиций данного исследования. Информационная война подвергается рассмотрению с историко-политической стороны (Тонконогов 2015; Беляев 2014; Наумов 2014; Карпова 2014; Сурма 2013, 2015; Филимонов 2013; Чудинов 2012; Халидов 2011; Манойло 2010; Ненашев 2010; Панарин 2010; Сапожникова 2008; Бухарин, Цыганов 2007; Зобнин 2007; Кучумов 2007; Губарев 2005; Волковский 2003; Паршев 1999; Germain 2014; Charbit 2002), философской (Солоневич 2010; Самохвалова 2011; Князева 2011; Соколова 2007; Дугин 2004; Расторгуев 2003; Снесарев 2003), социологической (Шевцов 2015; Цыганков 2007; Парсонс 2002; Турен 1994; Touraine 1984), военно-стратегической (Александров 2014; Власова 2014; Богданов 2013; Болгов 2011; Караяни 2007; Фоменко 2007; Nichiporuk 1999; David S. Alberts and oth. 2001; Baudot et aut. 2006),

научно-технической (Бронников 2014; Левкин, Галкова 2014; Полудина 2011; Цыганов 2007; Малишевский 2003) и психологической (Новиков 2011; Первушина 2011; Тагильцева 2010; Кара-Мурза 2002; Почепцов 2000, 2014; Rouquet 2009). Сложность и многоаспектность данной темы обусловили потребность её рассмотрения в междисциплинарном плане. Изучая информационные войны, приходится обращаться к истории государств, к работам по психологии и психолингвистике, к политическим и философским исследованиям.

Философия – наука о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления [Большой толковый... 2000: 1423], форма духовной деятельности, направленная на постановку, анализ и решение коренных мировоззренческих вопросов [Философский словарь... 2009: 714–715]. Понятие «философия информационной войны» целесообразно рассматривать через понятия «война», «философия войны», «информация», «информационная война».

«Война – организованная вооруженная борьба между социальными классами, нациями, народами или государствами. Переход социального конфликта в стадию вооруженной борьбы выражается в том, что каждая из сторон стремится силой оружия навязать свою волю противнику, для чего наносит разрушительные удары по его людскому и материальному потенциалу. Как правило, для достижения поставленных в войне целей вооруженное насилие дополняется также экономическими, дипломатическими и другими средствами давления» [Мельник... 2004: 38].

Как говорил Карл Клаузевиц, «война есть продолжение политики». Политика – это «всякая продуманная целенаправленная деятельность, преследующая получение желаемых результатов и связанная со сбором ресурсов, подбором сторонников и преодолением возможного сопротивления противников», автономное системообразующее начало жизни человека и общества наряду с экономикой, идеологией, правом, моралью, наукой, культурой и религией; «политика есть информационный процесс со всеми присущими ей особенностями политической речи – риторикой, демагогией, штампами, искусством формулировок <...> с их явным и скрытым смыслом» [Философский словарь... 2009: 513–514]. По утверждению А.Г. Дугина, философия войны есть частный случай философии политики. Политика, как продуманная целенаправленная деятельность, встречает на своем пути преграды, наталкивается на определенное сопротивление, которое приходится преодолевать. Таким образом, «война в широком понимании – это форма прямолинейного, грубого, насильственного преодоления сопротивления политическому проекту» [Дугин 2004: 356].

Информация определяется как сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемых человеком или специальным устройством; вообще обмен сведениями в обществе и в природе [Толковый словарь..., 2011: 304].

Сегодня мировое сообщество принято называть информационным. Это новая стадия развития общества, в которой ведущая роль отводится сфере услуг, науке, образованию, а основным видом деятельности является торговля информацией [Большой толковый... 2000: 397]. Доступ к источникам информации как для разных людей и организаций, так и для разных стран мирового сообщества различен. Информационное неравенство создает угрозу стабильности мирового сообщества. Появляются новые социальные проблемы: проблема информационной безопасности, защиты личной жизни человека от несанкционированного вторжения информационно-коммуникационных технологий, манипулирования сознанием, информационной преступности, информационных болезней и информационных войн [Коморовская 2012: 15–16].

Современные гуманитарные науки предлагают разные варианты определения информационной войны. По мнению Г.Г. Почепцова, информационная война – это коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с долговременными и кратковременными целями [Почепцов 2005]. По И.И. Завадскому, информационная война состоит из действий, предпринимаемых для достижения информационного превосходства в обеспечении национальной военной стратегии путем воздействия на информацию и информационные системы противника с одновременным укреплением и защитой собственной информации и информационных систем [Завадский 1996]. Военная психология исходит из того, что современная стратегия боевых действий должна обязательно включать информационно-психологическое противоборство, интегрирующее психологическое воздействие на противника и защиту войск от психологических операций противника. Психологические операции рассматриваются в качестве самостоятельного эффективного оружия, применение которого может вообще привести к отказу от использования военной силы [Караяни 2007: 30].

Об обезличенности и использовании возможностей культурных достижений в современной информационной войне сообщает в своей работе В.И. Самохвалова: «...если древний воин видел выражение лица своего противника, то нынешний хакер, взламывая информационные сети и глядя на экран компьютера, не видит лиц будущих жертв своей акции». Человек научился использовать культурные достижения для целей подавления и захвата противника, изобрел способы воздействия на сознание, вплоть до его разрушения. Техники информационных войн стали реальным средством для невидимого осуществления

власти, моделирования хода и направления развития разного рода конфликтов, включая международные, для управления людьми через воздействие на их сознание [Самохвалова 2011: 34–35].

По Е.С. Ермаковой, «информационная война – это совокупность психологических и информационных воздействий, направленных на изменение общественного сознания, с целью получения материальной или политической выгоды» [Ермакова 2012].

Помимо изучения феномена ИПВ в общем, проводятся исследования различных аспектов этого явления. Так, в статье Д.Ш. Халидова речь идет об информационном терроре, или, другими словами, о войне на поражение массового сознания, направленной на полный слом культурного «кода» страны и цивилизационную перевербовку [Халидов 2011: 14]. Исследователь Ю.Р. Тагильцева рассматривает локальные («малые») информационно-психологические войны, определяя их как одно из дешевых, доступных и эффективных средств достижения цели. Отличительными чертами локальных информационно-психологических войн являются их осуществимость в различных сферах общественной коммуникации, разнородная целенаправленность (от нападения до поиска консенсуса), возможность быть звеном «глобального» конфликта [Тагильцева 2010: 172].

Основа информационной войны, – подчеркивает Д.О. Кучумов, – манипулятивное воздействие на аудиторию. Технологии подобного воздействия многообразны, но главное средство универсально – это информационное сообщение, переданное по различным каналам коммуникации [Кучумов 2007: 16].

Главная цель информационных войн – овладение капиталом и властью [Цыганов, Бухарин 2007: 15]. Смысл информационной войны – в нанесении населению определенной страны тяжелой культурной травмы. Внедрение чужеродных ценностей приводит к разрушению культурного пространства и духовных основ, на которых держится любое общество [Ткаченко 2011: 8–9].

Обобщив разные точки зрения на суть исследуемого явления, мы определяем ИПВ как воздействие на коллектив или личность с целью реформатирования их сознания для извлечения выгоды в интересах инициатора информационной войны.

В связи с вышеизложенным видится значимым определение понятий инициатора (субъекта) и актора ИПВ. Эти понятия также рассматриваются с позиций различных наук.

С философской точки зрения субъект – носитель деятельности, сознания и познания, конкретный телесный индивид, включенный в определенную культуру, имеющий биографию, находящийся в коммуникативных и иных отношениях с другими людьми. Наряду с индивидуальным выделяют также коллективного (группового) субъекта

деятельности [Философский словарь... 2009: 648–649]. Субъект как философская категория широко используется в различных социально-гуманитарных дисциплинах. В политологии в качестве субъекта рассматривают активно действующего и познающего, обладающего сознанием, самосознанием и волей индивида или социальную группу (объединение людей), изучают понятия «субъекты политики», «субъекты политических отношений», «субъекты политической власти», «субъекты международных отношений», в качестве обобщающего используют понятие «социальные субъекты» [Мельник 2004: 532]. По мнению П.А. Цыганкова, субъект – это участник международных отношений, обладающий правами и обязанностями, осуществляющий их на основе юридических норм и несущий в необходимых случаях международно-правовую ответственность за их нарушение [Цыганков 2007: 31].

С позиций психологии субъект – индивид или группа как источник познания и преобразования действительности; носитель активности, осуществляющий изменения в других людях и в себе самом как другом [Психологический словарь... 2015].

В социологии понятие «субъект» обладает парадоксальным и противоречивым значением. Оно означает деятельность, действие и авторство, но также и подчинение. Этот термин часто используется в качестве синонима «личности» или «деятеля» [Аберкромби 2004: 475–476].

В социологии и теории международных отношений разграничиваются понятия «субъект» и «актор». Актор – любое действующее лицо, которое принимает активное участие в международных процессах. Основные характеристики понятия «актор»: способность сказать «я»; признание со стороны другого; принадлежность к определенной группе. Социальным актором может выступать любая авторитетная организация или отдельный человек, способный «играть роль» [Турен 1994].

Актор – термин, предложенный Т. Парсонсом, обозначает субъекта деятельности в обществе, выступающего в качестве источника социального действия [Парсонс 2002: 94].

В политологии актор – активный участник (коллективный или индивидуальный) международных отношений, обладающий возможностью в соответствии с собственным пониманием своих интересов принимать решения, реализуя стратегию, оказывающую существенное влияние на международную систему [Цыганков 2007: 35]. Актор мировой политики – любой субъект, действующий вне национально-государственных границ: это может быть государство, политическое, религиозное или другое массовое движение, транснациональная корпорация или отдельный индивид [Фельдман 2014: 28–30].

Политический актор – лицо или общественная группа, воздействующие на процесс принятия и осуществления решений в данной политической системе [Политический

словарь... 2015]. Например, значимым актором информационной войны сегодня, – по мнению Г.Ю. Филимонова, – являются Соединенные Штаты Америки: «Заняв лидирующее положение в мировой информационной магистрали, США превратили внешнеполитическую пропаганду в важнейшее орудие, способное конструировать человеческое сознание практически в любой точке планеты» [Филимонов 2013: 3–4].

Вслед за А.П. Сквородниковым и Э.А. Корольковой, мы принимаем понятия субъекта и актора в качестве атрибутов ИПВ. Субъект (инициатор) может быть единичным либо коллективным. Инициатор и актор могут совпадать в одном субъекте или не совпадать, если инициатор (например, политическая партия, правящий класс государства) является заказчиком, а актор (исполнитель) – это конкретное лицо, учреждение, орган СМИ. Далеко не всегда инициатор информационной войны может быть установлен: важно обладать определёнными документальными подтверждениями интересов и целей инициатора-субъекта-агрессора. Такого рода задачи не входят в компетенцию лингвиста. Определение же объектов информационной войны представляется решаемой задачей. Необходимый для исследования материал печатных СМИ находится в открытом доступе и позволяет беспрепятственно изучать текстовую информацию. Объектом ИПВ является сторона, на которую направлено информационное воздействие. При этом необходимо различать объект информационной агрессии, т.е. адресата текста печатного издания, на которого СМИ оказывает воздействие, и мишень – того или то, кто или что подвергается дискредитации (личность, представитель властных структур, исторические персонажи, население государства) [Сквородников, Королькова 2015].

Понятие «объект» понимается по-разному с позиций различных наук. В философии объектом является то, на что направлена активность (реальная и познавательная) субъекта [Философский словарь ... 2009: 465].

С позиций политологии и теории международных отношений объект – это то, что противостоит субъекту политики в его деятельности, то, на что направлены усилия субъекта. К объектам политики относят, например, население как электорат, политическую власть, общественные интересы и ценности [Мельник 2004: 532]. В психологии объект – фрагмент реальности, на которую направлена активность взаимосвязанного с ней субъекта. Вещи, существующие независимо от субъекта, становятся объектами по мере того, как субъект взаимодействует с ними [Психологический словарь... 2015]. С точки зрения социологии объект – это предмет, явление, процесс или их отдельные стороны, существующие в реальной действительности, на которые направлена какая-либо деятельность, мысль,

чувство. Объект – то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности [Социологический словарь... 2015].

Общий круг объектов информационной войны достаточно широк. Согласно А.Б. Губареву, к родовым объектам информационной войны принадлежат системы политических, социальных, психологических отношений информационного общества. К числу частных объектов относится любой компонент информационно-психологического пространства: массовое и индивидуальное сознание граждан; социально-политические процессы; информационная инфраструктура; информационные и психологические ресурсы, под которыми понимается система ценностей общества; сознание и психическое здоровье граждан [Губарев 2005].

Позволим себе не согласиться с А.Б. Губаревым в части разделения объектов на общие и частные и определить в качестве объекта ИПВ, вслед за А.П. Сковородниковым и Э.А. Корольковой, сознание тех или того, на кого направлены технологии воздействия с целью изменения их сознания в нужном для манипулятора направлении. Ту сторону действительности, которая подвергается дискредитации с целью воздействовать определенным образом на объект, мы рассматриваем как мишень. Так, для дискредитации властной структуры Российского государства в глазах общественности используется в качестве мишени, например, Президент Российской Федерации [Сковородников, Королькова 2015].

Понятия техники и технологии современной ИПВ соотносятся в основном с их философским определением. Техника (от греч. *techne* – искусство, мастерство) имеет два значения: 1. Орудия и инструменты труда, любые артефакты, созданные человеком и используемые для преобразования окружающей среды. 2. Система навыков, уровень мастерства в реализации того или иного вида деятельности. Более широким понятием является технология, охватывающая набор и последовательность операций, выполняемых с помощью некоторой техники в каждом определенном производственном процессе. Современная технология – развивающаяся система артефактов, производственных операций и процессов, ресурсных источников, управления, финансирования и взаимодействия с другими технологиями. Она развивается не изолированно, а как сумма или суперсистема отдельных технологий. Информационная технология занимает стержневое место в этой системе. Чем выше уровень современной технологии, тем большую роль в ней играет информационная технология [Философский словарь... 2009: 671]. ИПВ – это воздействие с определенными целями на сознание, эмоции, настроения людей. Из всех типов речевого воздействия ИПВ использует преимущественно манипуляцию.

По определению А.В. Манойло, «манипуляция – это способ психологического воздействия, цель которого – изменение направленности активности (психической и иной) людей, осуществляемое незаметно для них. Манипуляция может рассматриваться как вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характер результата, который ожидается. Манипуляция сознанием – это управление путем навязывания людям идей, установок, мотивов, стереотипов поведения, выгодных субъекту воздействия» [Манойло 2003: 104].

Технологии воздействия на общественное сознание используются средствами массовой информации. Это комплексы методов и приемов, перечисленные авторами словаря-справочника по ИПВ: манипулирование информацией, предвзятый подбор тем и материалов, фрагментарность представления информации и так далее [Операции информационно... 2015: 404–406]. По нашему мнению, данный перечень требует некоторой систематизации. Позволим себе разделить перечисленные авторами методы и приемы на две группы: приёмы открытого и скрытого воздействия. К первой группе («приёмы открытого воздействия») отнесем предвзятый подбор тем и материалов; фрагментарность представления информации; отвлечение внимания аудитории от действительно значимого события некачественным представлением информационного материала; выбор выгодного момента для информирования населения; использование в комментариях к событиям мнений компетентных персон; использование в качестве телеведущих обаятельных людей, вызывающих доверие; доведение информации лишь до определенной группы населения; доведение до общества угроз, ультиматумов, «импульсов» диктата; демонстрация в пропагандистских материалах превосходства своей культуры (цивилизации). Ко второй группе («приёмы скрытого воздействия») отнесем намеренно выравненное представление малосравнимых факторов – «технология преувеличения»; выбор выгодного момента для выброса компрометирующего материала; определенная последовательность представления информации (наиболее убедительной кажется информация, переданная первой); внедрение в общественное сознание элементов нестабильности, дезорганизованности, хаоса, неуверенности, страха; манипуляция опросами общественного мнения; эксплуатация всевозможных слухов, которые могут целенаправленно влиять на информационно-психологический климат в обществе.

Примером воздействия на сознание общественности является процесс внедрения некоторых ценностно значимых представлений и навязывания мифов. Так, говорится о том,

– что *Октябрьская революция 1917 года была ошибкой на пути человечества.*

Россиян все активнее пытаются убедить, что «*всю свою историю СССР был экономически*

несостоятелен. Если бы не огромные природные ресурсы, СССР бы попросту не состоялся, его бы не было» [Буровский 2010: 49];

– что *советский народ всегда отличался «правовой дикостью»*. «Все советские Конституции носили формальный характер. История отвергла их за безжизненность и лицемерие» [Байниязов 2007: 5]. Правовую жизнь в СССР также старательно описывают в негативном свете, не жалея для этого черных красок: «В СССР ... нормой стали полнейший идеологический и политический конформизм..., личная преданность вышестоящему руководителю, угодничество и подхалимаж, родственные связи, умение понравиться начальству, отсутствие собственных принципов, нравственной и политической позиции, знание негласных правил аппаратной игры» [Константинов 2005: 74];

– что, *победоносная война СССР с фашизмом замалчивается либо преподносится как нечто отрицательное*. Из учебников, посвященных Великой Отечественной войне, все чаще исчезает упоминание об СССР как о победителе нацистской Германии;

– что, *поступки К. Маркса, В. Ленина, И. Сталина были античеловеческими по своей природе*. «Православные ученые, опираясь на архивные данные, приходят к выводу, что в юности К. Маркс заключил символический договор с сатаной и посвятил свою жизнь борьбе против Христианства и Христианской цивилизации» [Немировский 2007: 24]. Раз сатанистом был К. Маркс, следовательно, такими же сатанистами были все революционеры, включая В.И. Ленина и И.В. Сталина;

– что, *руководители советского и фашистского государств ставятся в один ряд*. Типичным примером может служить рассуждение Л.И. Медведко: «Разница между ними заключалась лишь в том, что Гитлер провозглашал и проводил курс на “уничтожение всех евреев и славян”, а Сталин – на ликвидацию всех классовых “врагов” вовне и внутри страны. При этом и тот, и другой цинично пренебрегали национальными интересами как чужих, так и своих народов» [Медведко 2003: 342]. Показательно также сравнение трудов В.И. Ленина с «Майн кампф» А. Гитлера [Грейг 2009: 93–94].

По итогам обзора специальной литературы, посвященной проблемам информационной войны и национальной безопасности России, можно выделить следующие способы противодействия информационным войнам.

Первое. *Совершенствование системы государственной безопасности*. П.Н. Кобец предлагает внедрение системы совершенствования борьбы с информационными атаками. В правовом аспекте – требуется унификация понятийного аппарата законодательства, четкое определение субъектов и объектов информационного противостояния, разграничение функций субъектов; обеспечение невозможности доступа для террористов к

телекоммуникациям и сети Интернет. В материально-ресурсном аспекте – привлечение материальных ресурсов государственных и общественных фондов к осуществлению мер по ограничению и подрыву материально-финансово-ресурсной базы оппонентов в информационном противостоянии. В тактико-техническом аспекте – увеличение и систематизация информационных баз данных. В информационно-аналитическом аспекте – усиление оперативно-розыскной деятельности; изучение, обобщение и прогнозирование деятельности, направленной против информационных атак; выявление и отслеживание новых форм информационной войны. В пропагандистском аспекте – разъяснение населению различными методами существующего положения дел с целью повышения устойчивости граждан к провокационной информации. В кадровом аспекте – увеличение количества специалистов: создание / обновление специальных образовательных программ для специалистов по обеспечению национальной безопасности, их обучение и тренировка [Кобец 2014: 5–6].

Второе. *Обеспечение борьбы с информационными атаками на высшем уровне управления государством.* Система противодействия терроризму в Российской Федерации, представленная Д. В. Шикуным, вполне отвечает задачам противодействия информационным воздействиям на нашу страну [Шикун 2014: 190–192]. Так, согласно этой системе, Президент РФ определяет основные направления государственной политики в области информационных войн, устанавливает компетенцию федеральных органов в сфере противодействия информационным атакам, принимает решение о создании / использовании специальных подразделений для борьбы с информационными атаками и провокациями. Федеральное собрание РФ формирует законодательную основу противодействия информационным войнам. Прокуратура РФ осуществляет контроль за законностью действий должностных лиц при осуществлении мероприятий по информационному противодействию. Федеральные органы исполнительной власти осуществляют деятельность по противодействию информационным атакам в пределах своей компетенции. Особая роль здесь принадлежит Федеральной службе безопасности, Министерству внутренних дел, Министерству по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Третье. *Перестройка работы в деле разведки.* Как отмечает М.Г. Власова, на рубеже XX–XXI веков произошли значительные изменения в разведывательном деле, вызванные сочетанием разных факторов: геополитическими изменениями, взрывным развитием информационных технологий, формированием нового общественно-политического контекста, а также конкурентным фактором. Последствием геополитических изменений

становится фрагментация угроз: на смену угрозе глобального ядерного конфликта пришли угрозы государству со стороны этнических групп, борющихся за самоопределение, криминальных организаций, радикальных группировок, экстремистов различного толка. Развитие информационных технологий привело к увеличению объема коммуникаций, к увеличению количества систем защиты персональных данных (даже если они не противоречат законодательству), к увеличению потоков информации на иностранных языках, что затрудняет процесс дешифровки и перевода, к увеличению объемов информации из открытых источников. Социальные сети позволяют получать уникальную информацию об индивидах и их частной жизни, однако переработать такие объемные данные часто бывает очень сложно. Вместе с формированием нового общественно-политического контекста формируется новая парадигма разведывательной деятельности: демократизация многих государств является причиной выхода разведки из тени в сферу публичной политики, лишая её традиционной привилегии – быть не подотчетной общественному контролю. Наконец, разведка в современном мире – не единственная, а лишь одна из множества конкурирующих организаций, предлагающих информационные продукты: университеты, СМИ, частные информационные компании – все они являются конкурентами спецслужб в сфере аналитики [Власова 2014: 17–21].

Четвертое. *Защита российских геополитических интересов.* По справедливому замечанию С.Ю. Наумова, осознание коренных российских интересов возможно, прежде всего, в историческом контексте. Обращение к истории показывает, что наибольших успехов наша страна добивалась, действуя в рамках своего цивилизационного пространства – преимущественно на территории Восточной Европы. Именно в данной области находятся естественные геополитические интересы нашего отечества [Наумов 2014: 5–9]. Но не только. А.Г. Дугин отмечает, что Россия занимает центральное место в геополитическом пространстве континента, и предлагает схему «Евразийского диалога», где различные оси сотрудничества сходятся в точке Москвы: юго-западная ось: Анкара – Москва; южная ось: Тегеран – Москва; юго-восточная ось: Исламабад – Москва; юго-восточная ось: Нью-Дели – Москва; восточная ось: Пекин – Москва [Дугин 2014: 4].

Пятое. *Расширение диалога между государственной властью и народом.* Политическое доверие относится к числу ключевых позиций, определяющих устойчивость и эффективность политической системы. В действительности властные субъекты часто используют преимущества своего положения для извлечения собственной выгоды. Что касается России, – утверждают в своей работе Козырева и Смирнов, – власть всегда стремилась сконцентрировать в своих руках максимум полномочий. «И не однажды

переоценка властью своих возможностей имела для страны трагические последствия». И далее: «Единственным институтом государственной власти, пользующимся доверием у большинства россиян, остается институт президентства» [Козырева, Смирнов 2014: 6–9]. В связи с достаточной открытостью информационного поля сегодня существуют условия для участия граждан в анализе политических решений. Социальные сети и возможности Интернета в целом создают предпосылки для влияния на политику со стороны населения страны. «Как только атрибут публичности, – отмечают Л.И. Никовская и В.Н. Якимец, – начинает исчезать или ощутимо уменьшаться, так сразу на смену ему идут закрытость, коррумпированность, клановость» [Никовская, Якимец 2014: 8]. Развитие откровенного диалога между властью и народом нашего отечества должно способствовать укреплению системы государственности и наращивать потенциал устойчивости по отношению к внешним негативным влияниям.

Феномен информационной войны рассматривается сегодня не только с позиций истории, философии, социологии, военной науки, психологии. Информационная война находится также в фокусе внимания лингвистики. Круг вопросов лингвистического аспекта информационной войны, выявленный нами из массива российских публикаций, широк и затрагивает темы идеологического фундамента информационной войны, дискурсивных практик внедрения неподтвержденной информации в массмедийный политический дискурс, информационной агрессии как компонента информационной войны. Между тем, исходя из общего анализа современных работ, посвящённых информационной войне, можно сделать вывод о том, что её лингвистический аспект раскрыт далеко не полно. В частности, лингвистический аспект манипуляции массовым сознанием на материале печатных СМИ требует дальнейшей разработки.

Исследование лингвистической проблематики информационных войн было проведено на материале журналов «Власть», «Информационное общество», «Информационное противодействие угрозам терроризма», «Гуманитарный вектор», «Политэкс», сборников материалов научных конференций за период 2011–2014 гг., журнала «Политическая лингвистика». Результаты обзора показали, что немногочисленные статьи интересующей нас тематики, сосредоточены в основном вокруг изучения концептов, понятий и терминов информационного противостояния, технологий и средств информационной борьбы. Так, были исследованы:

– понятийно-терминологический аппарат информационной безопасности [Юсупов, Шишкин 2013],

– способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе [Казаков 2013],

– информационная технология управления цветными революциями [Шульц 2013],

– процесс информационной аномии в системе «государство – СМИ – общество» [Карпова 2014] (информационная аномия – это процесс, при котором сообщение, имеющее определенный смысл, в момент передачи информации искажает, замещает или теряет этот смысл, создается множественность вариантов понимания, что приводит к имитации реального смысла, иллюзии реальности – О.Ф.),

– интерпретации понятия «толерантность» в зависимости от политического и культурного контекстов [Блохин 2014],

– «мягкая сила» как средство политического манипулирования в предвыборных кампаниях [Ефимова 2014],

– стратегии и тактики российских и американских политиков в информационной войне [Плахотная 2014],

– средства и способы ведения современной информационной войны [Чотчаев 2014].

Обзор статей «Политической лингвистики» за 2005–2015 годы выявил примерно девяносто статей, наиболее тесно примыкающих по своему содержанию к теме информационной войны, группирующихся вокруг десяти направлений, которые указаны по мере убывания количества статей в хронологическом порядке. Исследуются:

– политический дискурс в различных аспектах, в том числе в аспекте информационной агрессии / информационного противостояния (Базылев 2005, № 15; Красильникова 2005, № 15; Борисова 2006, № 17; Гришаева 2006, № 17; Ворошилова 2007, № 23; Красильникова 2008, № 26; Щипицына 2009, № 28; Синельникова 2010, № 31 (1); Коробкова 2011, № 38 (4); Молодыхенко 2012, № 42 (4); Балашова 2014, № 47 (1); Копцева 2014, № 47 (1); Пронин 2014, № 47 (1); Шалацкий 2014, № 47 (1); Карамова 2014, № 48 (2); Шустрова 2015, № 51 (1));

– манипулятивные стратегии, тактики и приемы воздействия на общественное сознание (Бойко 2006, № 17; Макарова 2006, № 20; Иванова 2008, № 25; Антонова 2010, № 31 (1); Иванова, Сподарец 2010, № 33 (3); Ковалева 2011, № 37 (3); Окунева 2011, № 38 (4); Сергеева 2012, № 40 (2); Руженцева 2012, № 40 (2); Сковородников, Копнина 2012, № 41 (3); Иванова, Чанышева 2014, № 48 (2); Култышева 2014, № 49 (3));

– способы создания различных образов (государства, политического лидера, врага) в манипулятивных целях средствами массовой информации (Баргхорн 2008, № 24; Вайс 2008,

№ 24; Гриценко 2010, № 34 (4); Манаенко 2010, № 34 (4); Денисов 2011, № 36 (2); Каменева, Сидорова 2012, № 42 (4); Амиров 2014, № 47 (1); Ильясова 2014, № 47 (1); Мустайоки, Стексова 2014, № 47 (1); Томова 2014, № 48 (2); Зарипов 2014, № 49 (3); Калинин 2015, № 51 (1));

– речи / политические выступления представителей государственной власти, значимых политических деятелей (Лассан 2005, № 16; Кашкина 2006, № 17; Сергеева 2006, № 19; Матыгина 2009, № 27; Попов 2010, № 31 (1); Матыгина 2012, № 40 (2); Ханина 2013, № 46 (4); Соловей 2014, № 48 (2); Колмогорова, Шестаков 2015, № 51 (1));

– использование политических метафор с разными целями, в том числе с манипулятивными (Будаев 2006, № 20; Пшенкин 2006, № 20; Богданов 2009, № 9; Малюкова 2011, № 37 (3); Васильев 2012, № 42 (4); Серегина, Чудинов 2014, № 48 (2); Молодыхенко 2014, № 49 (3); Зарипов 2015, № 51 (1));

– специальная лексика и терминология, применяемые в манипулятивных целях (Васильев 2007, № 23; 2010, № 32 (2); Лату 2011, № 37 (3); Семкин 2011, № 37 (3); Васильев 2012, № 39 (1); 2012. № 42 (4); Коновалова 2014, № 48 (2); Михайлова, Михайлова 2015, № 51 (1));

– информационная война: её компоненты и особенности, инструменты и оружие (Лассвелл 2007, № 22; Тагильцева 2010, № 34 (4); 2012, № 41 (3); 2012, № 42 (4); 2013, № 45 (3); Синельникова 2014, № 48 (2); Тагильцева 2014, № 48 (2));

– понятийный аппарат политической лингвистики (например, такие понятия как «толерантность», «политкорректность», «агрессия», «национальная идея», «холодная война», «терроризм») (Лассан 2006, № 17; Химик 2008, № 26 (3); Синельникова 2010, № 32 (2); Галёпа 2014, № 48 (2); Завьялов 2015, № 51 (1); Сипко 2015, № 51 (1));

– языковые маркеры этнической нетерпимости (Иссерс, Рахимбергенова 2007, № 23; Вепрева, Купина 2014, № 49 (3); Ворошилова 2014, № 49 (3); Злоказов 2014, № 49 (3); Горшунов, Горшунова 2015, № 51 (1); Скребцова 2015, № 51 (1));

– лингвистическая советология времен холодной войны, а также советская пропаганда и употребление приемов советского политического дискурса в современном речетворчестве (Будаев 2008, № 24; Будаев, Чудинов 2009, № 29; Лассвелл 2009, № 27; Будаев, Чудинов 2010, № 32 (2); Шипицына, Свистельникова 2010, № 34 (4); Степанова 2011, № 37 (3)).

Отметим, что наряду с глубоким анализом отдельных вопросов существуют лакуны в изучении лингвистической стороны ИПВ. Недостаточно изучены стратегии и тактики ИПВ, аксиологические лингвистические ресурсы, фигуральные средства ИПВ, её жанровая представленность и некоторые другие.

Таким образом, современная философия информационно-психологической войны – наука о деятельности, направленной на информационно-психологическое воздействие на личность или коллектив с целью переформатирования их сознания для извлечения выгоды в интересах субъектов информационной войны. Сегодня проблемы информационной войны актуальны как никогда. Несмотря на то, что существует немало серьезных работ, посвященных исследованию различных аспектов информационных войн, языковой аспект, который играет в информационно-психологической войне первостепенную роль, оказался изучен совершенно неудовлетворительно. По нашему мнению, есть необходимость продолжения разработки коммуникативных механизмов (стратегий, тактик, языковых средств и речевых приемов) противостояния агрессивному информационному воздействию в целях сохранения российского национального и культурного самосознания.

Список литературы

- Александров А.В. Информационное сопровождение деятельности вооруженных сил в современных конфликтах // Власть. 2014. № 6. С. 35–39.
- Байниязов Р.С. Конституционное сознание и правовая культура в российском обществе // Правовая культура. 2007. № 1 (2). С. 4–9.
- Беляев Д. Разруха в головах. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2014. 256 с.
- Блохин И.Н. Журналистика в этнополитических коммуникациях: интерпретации толерантности // Гуманитарный вектор. Серия: Политология. 2014. № 3 (39). С. 110–115.
- Богданов В.В. Теоретические основания опережающего анализа социальных противоречий как информационное противодействие угрозам терроризма // Информационное противодействие угрозам терроризма. 2013. № 21. С. 6–16.
- Болгов Р.В. Информационные технологии в современных вооруженных конфликтах и военных стратегиях: политические аспекты: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. СПб., 2011. 21 с.
- Бронников И.А. Будущее политических Интернет-технологий: два сценария развития // Власть. 2014. № 1. С. 46–49.
- Буровский А.М. Россия будущего. М.: Эксмо, Яуза, 2010. 256 с.
- Бухарин С.Н., Цыганов В. В. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический Проект, 2007. 382 с. (Социально-политические технологии)
- Власова М.Г. Разведка в начале XXI века: основные вызовы эпохи // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2014. Вып. 2 (6). С. 17–21.
- Волковский Н.Л. Журналистика в информационных войнах: Исторические истоки и современные тенденции: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. СПб., 2003. 641 с.
- Грейг О. Тайная доктрина Третьего рейха, или Во что верил Адольф Гитлер. М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. 400 с.
- Губарев А.Б. Информационные войны как объект политологического исследования: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Уссурийск, 2005. 170 с.
- Дугин А.Г. Философия политики. М.: Арктогея, 2004. 424 с.
- Дугин А.Г. Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014. 280 с.

Ефимова М.В. «Мягкая сила» как средство политического манипулирования в предвыборных кампаниях // Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы: Материалы Всероссийской научной конференции. М.: РИЦ МГУ им. М.А. Шолохова, 2014. С. 169–170.

Ермакова Е.С. Информационная война как атрибут информационного общества: активизация медиафункции насилия над сознанием, 2011. СПб.: Гуманитарные науки. 2012. № 2. URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-02/403-a> (дата обращения: 06.11.2015).

Завадский И.И. Информационная война – что это такое? // Защита информации. «Конфидент». № 4. 1996. – цит. по Расторгуев С. П. Формула информационной войны. URL: <http://www.rc-analitik.ru/file/%7B76a67493-79d7-450b-be1d-87c430f27d0f%7D> (дата обращения: 19.02.2015).

Зобнин А.В. Информационная сила в международной политике: основы анализа // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ в 10-ти томах. Т. 6: Новые тенденции в мировой политике. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 50–59.

Кара-Мурза С.Г. Евроцентризм: эдипов комплекс интеллигенции (Серия: Тропы практического разума). М.: Алгоритм, 2002. URL: http://www.kara-murza.ru/books/evr_cent/evr_cent.htm (дата обращения: 06.04.2015).

Казаков А.А. Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 87–90.

Караяни А.Г. Военная психология как область специального научного знания и практики. А.Г. Караяни, Ю.М. Волобуева // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2007. № 4. С. 20–33.

Карпова А.Ю. Информационная аномия: выбор на грани фолла // Власть. 2014. № 1. С. 41–45.

Князева И.В. Манипуляция общественным сознанием: сущность, исторические формы, трансформация (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2011.

Кобец П.Н. Совершенствование антитеррористической деятельности – важнейшее условие обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2014. Вып. 3 (7). С. 4–7.

Козырева П.М., Смирнов А.И. О границах политического доверия // Власть. 2014. № 5. С. 5–10.

Коморовская Т.В. Основы информационной культуры: учебное пособие по изучению курса для студентов направлений подготовки 080200.62, 080100.62, 080400.62, 221400.62, 030300.62, 035700.62, 034700.62, 040400.62 очной и заочной форм обучения. Красноярск: СибГТУ, 2012. 246 с.

Константинов В.М. Элиты судебной ветви власти современной России: политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2005. 158 с.

Кучумов Д.О. Семантический анализ информационной войны (на примере осетино-ингушского конфликта) : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2007. 27 с.

Левкин И.М., Галкова Е.А. Математическое описание динамической среды угроз информационной безопасности // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2014. Вып. 1 (5). С. 46–53.

Малишевский Н.Н. Технология и организация выборов. Мн.: Харвест, 2003. 256 с.

Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: монография. М.: МИФИ, 2003. 388 с.

- Манойло А.В. Модели информационно-психологического управления международными конфликтами // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2010. № 2. С. 85–95. (Виртуальное реально)
- Медведко Л.И. Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций»? Миры в мировых и «других» войнах на разломе эпох. М.: Кучково поле, 2003. 512 с.
- Наумов С.Ю. Украинский кризис как момент истины для российской политики // Власть. 2014. № 4. С. 5–9.
- Немировский В.Г. Тайные общества и заговорщики. СПб.: Питер, 2007. 240 с.
- Ненашев М.Ф. Иллюзия свободы: Российские СМИ в эпоху перемен (1985–2009). М.: Логос, 2010. 315 с.
- Никовская Л.И., Якимец В.Н. Повышение культуры публичной политики – вызов для демократического развития России // Власть. 2014. № 9. С. 5–10.
- Новиков В.К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. М.: Горячая линия – Телеком, 2011. 262 с.
- Панарин И.Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб.: Питер, 2010. 256 с.
- Парсонс Т. О структуре социального действия. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.
- Паршев А. Почему Россия не Америка. М., 1999. 234 с.
URL: <http://rumol.ru/files/library/books/parshev/parshev-russia-usa.pdf> (дата обращения: 06.03.2015).
- Первушина В.Н. Манипуляция общественным сознанием: сущность, исторические формы, трансформация: монография. В.Н. Первушина, И.В. Князева. Воронеж: Издательство ВАИУ, 2011. 267 с.
- Плахотная Ю.И. Стратегии и тактики российских и американских политиков в информационной войне // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы Международной научной конференции. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2014. С. 187–190.
- Полудина В.П. Информационный шум в Интернете как проблема потребления коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 5 (58). С. 386–394.
- Почепцов Г.Г. Психологические войны. М.: Рефл-Бук, Киев: Ваклер, 2000. 528 с.
- Почепцов Г.Г. Информационные войны, 2005. URL: www.telecomlaw.ru (дата обращения: 08.02.2015).
- Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М.: Вузовская книга: МПСИ, 2003. 301 с.
- Самохвалова В.И. Глобальный мир как пространство современных информационных войн // Философия и общество. 2011. № 4. С. 33–49.
- Сапожникова А. Информационно-психологическая безопасность России: состояние и тенденции // Власть. 2008. № 2. С. 8–14.
- Сковородников А.П., Королькова Э.А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 160–171.
- Снесарев А.Е. Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2003. 286 с.
- Соколова А.М. Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2007. 174 с.
- Солоневич И.Л. Народная монархия. Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 624 с.

Сурма И.В. Глобальный наднациональный актор международных отношений и его социальная философия // Вестник МГИМО. 2013. Вып. 4 (31). С. 141–151.

Сурма И.В. Цифровая дипломатия в мировой политике // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. 49. Апрель, 2015. С. 220–249.

Тагильцева Ю.Р. Локальные информационно-психологические войны: особенности развития в современной России // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 171–175.

Ткаченко С.В. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2011. 224 с.

Тонконогов А.В. Олигархический капитализм как угроза национальной безопасности современной России // Общество: политика, экономика, право. 2015. № 1. С. 8–13.

Турен А. Беседа с Аленом Туреном / Entretien avec Alain Touraine // Revue sciences humaines. № 42. Août / septembre 1994. – цит. по: Цыганков П.А. О содержании термина «международный актор»: вклад социологии // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ в 10 т.: Т. 1: Акторы в пространстве и времени мировой политики. М.: МГИМО-Университет, 2007. 188 с. С. 30–42.

Фельдман Д.М. Мировая политика во власти толпы? // Власть. 2014. № 8. С. 28–32.

Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: автореф. дис. ...д-ра полит. наук: 23.00.04. Москва, 2013. 50 с.

Фоменко П.П. Защита личного состава от информационно-психологического воздействия противника на опыте военных кампаний в Афганистане и Чечне // Военно-исторический журнал. 2007. № 2. С. 10–13.

Халидов Д.Ш. Информационная война в России: горькие плоды западничества // Обозреватель – Observer. 2011. № 8. С. 14–25.

Цыганков П.А. О содержании термина «международный актор»: вклад социологии // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ в 10 т.: Т. 1: Акторы в пространстве и времени мировой политики. М.: МГИМО-Университет, 2007. 188 с. С. 30–42.

Цыганов В.В. Информационные войны в бизнесе и политике: Теория и методология. В.В. Цыганов, С.Н. Бухарин. М.: Академический Проект, 2007. 336 с.

Чотчаев М.А. Средства и способы ведения современной информационной войны // Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы: Материалы Всероссийской научной конференции. М.: РИЦ МГУ им. М.А. Шолохова, 2014. С. 536–537.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.

Шевцов В.С. Формирование общественного мнения в политике в контексте информационного противоборства // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С. 252–259.

Шикун Д.В. Система противодействия терроризму в Российской Федерации // Власть. 2014. № 8. С. 190–192.

Шульц Э.Э. «Оранжевая революция» и технологии управления бунтом // Политэкс. 2013. Т. 9. № 3. С. 137–143.

Юсупов Р.М., Шишкин В.М. Информационная безопасность, кибербезопасность и смежные понятия: cyber security vs информационная безопасность // Информационное противодействие угрозам терроризма. 2013. № 21.

Baudot M. Une illustration de la guerre de l'information: Le conflit entre Israël et le Hezbollah de l'été 2006.[франц.] M. Baudot, E. Delcroix, B. Guiot, B. le Gouvello, M. Osada // École de guerre économique, 2007. 87 p.

Charbit Y. L'échec politique d'une théorie économique: la physiocratie [франц.] // Population (French Edition), (Nov. – Dec., 2002). Vol. 57. No. 6. P. 849–878.

David S. Alberts and others. Understanding information age warfare [англ.] David S. Alberts, John J. Garstka, Richard E. Hayes, David A. Signori, 2001. Chapter 1-2. P. 1–34.

Germain É. De la guerre à distance à une guerre désincarnée: les enjeux moraux d'une globalisation du champ de bataille [франц.] // *International Review of the Red Cross*, 2014. Vol. 95. № 900. 28 p.

Nichiporuk B.U.S. Military opportunities: information-warfare concepts of operation [англ.] // *Strategic Appraisal: United States Air and Space Power in the 21st Century*, 1999. P. 187–223.

Rouquet M. Point de situation sur les operations psychologiques [франц.] // *Base de Connaissance AEGE*, 2009. URL: <http://www.bdc.aege.fr> (дата обращения: 09.11.2015).

Touraine A. Le Retour de l'Acteur [франц.] *Essai de Sociologie*. Paris: Librairie Arthème Fayard, 1984. 241 p.

Лексикографические источники

Аберкромби Н. Социологический словарь: пер. с англ. Под ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Издательство "Экономика"», 2004. 620 с.

Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: НОРИНТ, 2000. 1536 с.

Мельник В.А. Современный словарь по политологии. Мн.: Книжный Дом, 2004. 640 с.

Операции информационно-психологической войны: краткий энциклопедический словарь-справочник. В.Б. Вепринцев, А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов. Под ред. А.И. Петренко. 2-е изд., стрелитип. М.: Горячая линия – Телеком, 2015. 496 с.

Политический словарь URL: <http://enc-dic.com/politic/Politicheskij-Aktor-3717.html> (дата обращения: 25.10.2015).

Психологический словарь URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=960> (дата обращения: 26.05.2015).

Социологический словарь URL: http://enc-dic.com/enc_sociology/Obekt-1628.html (дата обращения: 25.10.2015).

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.

Философский словарь. Под ред. И.Т. Фролова. 8-е изд., дораб. и доп. М.: Республика; Современник, 2009. 846 с.

References

Aleksandrov A.V. Informatsionnoe soprovozhdenie deyatelnosti vooruzhennykh sil v sovremennykh konfliktakh [Informational support of activities of armed forces in modern conflicts]. *Vlast'*. 2014. № 6. Pp. 35–39.

Bajniyazov R.S. Konstitutsionnoe soznanie i pravovaya kul'tura v rossijskom obshchestve [Constitutional consciousness and legal culture in Russian society]. *Pravovaya kul'tura*. 2007. № 1 (2). Pp. 4–9.

Belyaev D. Razrukha v golovakh. Informatsionnaya vojna protiv Rossii [Devastation in minds. The information war against Russia]. SPb.: Piter Publ., 2014. 256 p.

Blokhin I.N. Zhurnalistsika v etnopoliticheskikh kommunikatsiyakh: interpretatsii tolerantnosti [Journalism in ethno-political communications: interpretation of tolerance]. *Gumanitarnyj vektor. Seriya: Politologiya*. 2014. № 3 (39). Pp. 110–115.

Bogdanov V.V. Teoreticheskie osnovaniya operezhayushhego analiza sotsial'nykh protivorechij kak informatsionnoe protivodejstvie ugrozam terrorizma [Theoretical background of advanced analysis of social contradictions as information counteraction to threats of terrorism]. *Informatsionnoe protivodejstvie ugrozam terrorizma*. 2013. № 21. Pp. 6–16.

Bolgov R.V. Informatsionnye tekhnologii v sovremennykh vooruzhennykh konfliktakh i voennykh strategiyakh: politicheskie aspekty [Information technology in contemporary armed conflicts and military strategies: political aspects]: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.04. SPb., 2011. 21 p.

Bronnikov I.A. Budushhee politicheskikh Internet-tekhnologij: dva stsenariya razvitiya [The future of political Internet-technologies: two scenarios]. *Vlast'*. 2014. № 1. Pp. 46–49.

Burovskij A.M. Rossiya budushhego [The future of Russia]. M.: EHKsmo, YAuzza Publ., 2010. 256 p.

Bukharin S.N., TSYganov V.V. Metody i tekhnologii informatsionnykh vojn [Methods and technologies of information warfare]. M.: Akademicheskij Proekt Publ., 2007. 382 p. (Sotsial'no-politicheskie tekhnologii)

Vlasova M.G. Razvedka v nachale XXI veka: osnovnye vyzovy ehpokhi [Exploration at the beginning of the XXI century: the main challenges of the era]. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie*. 2014. Vyp. 2 (6). Pp. 17–21.

Volkovskij N.L. ZHurnalistsika v informatsionnykh vojnakh: Istoricheskie istoki i sovremennye tendentsii [Journalism in the information war: Historical origins and modern trends]: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.10. SPb., 2003. 641 p.

Grejg O. Tajnaya doktrina Tret'ego rejkh, ili Vo chto veril Adol'f Gitler [The secret doctrine of the Third Reich, or what Adolf Hitler believed in]. M.: EHKsmo: Algoritm Publ., 2009. 400 p.

Gubarev A.B. Informatsionnye vojny kak ob"ekt politologicheskogo issledovaniya [Information war as an object of political science research]: dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02. Ussurijsk, 2005. 170 p.

Dugin A.G. Filosofiya politiki [Political Philosophy]. M.: Arktogeya Publ., 2004. 424 p.

Dugin A.G. Evrazijskij revansh Rossii [Eurasian revenge of Russia]. M.: Algoritm Publ., 2014. 280 p.

Efimova M.V. «Myagkaya sila» kak sredstvo politicheskogo manipulirovaniya v predvybornykh kampaniyakh [“Soft power” as a means of political manipulation during election campaigns]. *Rossijskaya politicheskaya nauka: istoki, traditsii i perspektivy [Russian political science: origins, traditions and perspectives]: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii*. M.: RITS MGU im. M.A. SHolokhova, 2014. Pp. 169–170.

Ermakova E.S. Informatsionnaya vojna kak atribut informatsionnogo obshhestva: aktivizatsiya mediafunktsii nasiliya nad soznaniem [Information war as an attribute of the information society: the intensification of mediaforce of violence over consciousness], 2011. SPb.: Gumanitarnye nauki, 2012. № 2. Available at: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-02/403-a> (accessed 06.11.2015).

Zavadskij I.I. Informatsionnaya vojna – chto ehto takoe? [Information warfare – what is it?]. *Zashchita informatsii. «Konfident»*. № 4. 1996. – tsit. po Rastorguev S. P. *Formula informatsionnoj vojny [Scheme of information war]*. Available at: <http://www.rc-analitik.ru/file/%7B76a67493-79d7-450b-be1d-87c430f27d0f%7D> (accessed 19.02.2015).

Zobnin A.V. Informatsionnaya sila v mezhdunarodnoj politike: osnovy analiza [[The informational power in international politics: framework for the analysis]. *Prostranstvo i vremya v mirovoj politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Space and time in world politics and international relations]: materialy 4 Konventa RAMI v 10-ti tomakh. T. 6: Novye tendentsii v mirovoj politike*. M.: MGIMO-Universitet Publ., 2007. Pp. 50–59.

Kara-Murza S.G. Evrotsentrizm: eh dipov kompleks intelligentsii (Seriya: Tropy prakticheskogo razuma) [Eurocentrism: the Oedipus complex of the intellectuals]. M.: Algoritm

Publ., 2002. Available at: http://www.kara-murza.ru/books/evr_cent/evr_cent.htm (accessed 06.04.2015).

Kazakov A.A. Sposoby yazykovogo manipulirovaniya v politicheskom mediadiskurse: popytka sistematizatsii [Ways of manipulation in political media discourse: systematizing]. *Politicheskaya lingvistika*. 2013. № 3 (45). Pp. 87–90.

Karayani A.G. Voennaya psikhologiya kak oblast' spetsial'nogo nauchnogo znaniya i praktiki. A.G. Karayani, YU.M. Volobueva [Military Psychology as science and practice]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya*. 2007. № 4. Pp. 20–33.

Karpova A.YU. Informatsionnaya anomiya: vybor na grani fola [The informational anomia: choice from the edge]. *Vlast'*. 2014. № 1. Pp. 41–45.

Knyazeva I.V. Manipulyatsiya obshhestvennym soznaniem: sushhnost', istoricheskie formy, transformatsiya (sotsial'no-filosofskij analiz) [Manipulation of public opinion: nature, history, transformation (socio-philosophical analysis)]: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Voronezh, 2011.

Kobets P.N. Sovershenstvovanie antiterroristicheskoy deyatel'nosti – vazhneyshee uslovie obespecheniya natsional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federatsii [Enhancement of anti-terrorist activities – the most important condition of ensuring the national security of the Russian Federation] *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie*. 2014. Vyp. 3 (7). Pp. 4–7.

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. O granitsakh politicheskogo doveriya [About the boundaries of political trust]. *Vlast'*, 2014. № 5. Pp. 5–10.

Komorovskaya T.V. Osnovy informatsionnoj kul'tury [Fundamentals of information culture]: uchebnoe posobie po izucheniyu kursa dlya studentov napravlenij podgotovki 080200.62, 080100.62, 080400.62, 221400.62, 030300.62, 035700.62, 034700.62, 040400.62 ochnoj i zaочноj form obucheniya. Krasnoyarsk: SibGTU Publ., 2012. 246 p.

Konstantinov V.M. Ehlity sudebnoj vetvi vlasti sovremennoj Rossii: politologicheskij analiz [Elite judicial branch of power in modern Russia: political analysis]: dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02. Rostov-na-Donu, 2005. 158 p.

Kuchumov D.O. Semanticheskij analiz informatsionnoj vojny (na primere osetino-ingushskogo konflikta) [Semantic analysis of information warfare (based on the Ossetian-Ingush conflict)]: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02. Rostov-na-Donu, 2007. 27 p.

Levkin I.M., Galkova E.A. Matematicheskoe opisanie dinamicheskoy sredy ugroz informatsionnoj bezopasnosti [Mathematical description of the dynamic environment of information security threats]. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie*. 2014. Vyp. 1 (5). P. 46–53.

Malishevskij N.N. Tekhnologiya i organizatsiya vyborov [Techniques and management of elections]. Mn.: KHarvest Publ., 2003. 256 p.

Manojlo A.V. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v osobykh usloviyakh [Government information policy in special conditions]: the monography. M.: MIFI Publ., 2003. 388 p.

Manojlo A.V. Modeli informatsionno-psikhologicheskogo upravleniya mezhdunarodnymi konfliktami [Models of info-psychological management of international conflicts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki.*, 2010. № 2. Pp. 85–95. (Virtual'noe real'no)

Medvedko L.I. Rossiya, Zapad, Islam: «stolknovenie tsivilizatsij»? Miry v mirovykh i «drugikh» voynakh na razlome ehpokh [Russia, the West, Islam: "the clash of civilizations"? Nations in world and another wars]. M.: Kuchkovo pole Publ., 2003. 512 p.

Naumov S.YU. Ukrainskij krizis kak moment istiny dlya rossijskoj politiki [The Ukrainian crisis as a moment of truth for Russian policy]. *Vlast'*. 2014. № 4. Pp. 5–9.

Nemirovskij V.G. Tajnye obshhestva i zagovorshhiki [Secret societies and conspirators]. SPb.: Piter Publ., 2007. 240 p.

Nenashev M.F. Illyuziya svobody: Rossijskie SMI v ehpokhu peremen (1985–2009) [The illusion of freedom: the Russian media in an era of change (1985–2009)]. M.: Logos Publ., 2010. 315 p.

Nikovskaya L.I., YAkimets V.N. Povyshenie kul'tury publichnoj politiki – vyzov dlya demokraticeskogo razvitiya Rossii [Improving the culture of public policy – challenge for democratic development of Russia]. *Vlast'*. 2014. № 9. Pp. 5–10.

Novikov V.K. Informatsionnoe oruzhie – oruzhie sovremennykh i budushhikh vojn [Information weapons – a weapon of modern and future wars]. M.: Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2011. 262 p.

Panarin I.N. Pervaya mirovaya informatsionnaya vojna. Razval SSSR [The first world information war. The collapse of the Soviet Union]. SPb.: Piter Publ., 2010. 256 p.

Parsons T. O strukture sotsial'nogo dejstviya [On the structure of social action]. 2-e izd. M.: Akademicheskij Proekt Publ., 2002. 880 p.

Parshev A. Pochemu Rossiya ne Amerika [Why Russia is not America]. M., 1999. 234 p. Available at: <http://rumol.ru/files/library/books/parshev/parshev-russia-usa.pdf> (accessed 06.03.2015).

Pervushina V.N. Manipulyatsiya obshhestvennym soznaniem: sushhnost', istoricheskie formy, transformatsiya [The manipulation of public opinion: nature, history, transformation]: the monography. V.N. Pervushina, I.V. Knyazeva. Voronezh: Izdatel'stvo VAIU, 2011. 267 p.

Plakhotnaya YU.I. Strategii i taktiki rossijskikh i amerikanskikh politikov v informatsionnoj vojne [The strategy and tactics of the Russian and American politicians in the information war]. *Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya [Political communication: future of science]*: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Ekaterinburg: FGBOU VPO «Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet», 2014. Pp. 187–190.

Poludina V.P. Informatsionnyj shum v Internete kak problema potrebleniya kommunikatsii [Information noise in the Internet as an issue of communication consumption]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii*. 2011. Vol. XIV. № 5 (58). Pp. 386–394.

Pocheptsov G.G. Psikhologicheskie tony [Psychological warfares]. M.: Refl-Buk Publ., Kiev: Vakler Publ., 2000. 528 p.

Pocheptsov G.G. Informatsionnye vojny [Information wars]. 2005. Available at: www.telecomlaw.ru (accessed 08.02.2015).

Rastorguev S.P. Filosofiya informatsionnoj vojny [The philosophy of information war]. M.: Vuzovskaya kniga: MPSI, 2003. 301 p.

Samokhvalova V.I. Global'nyj mir kak prostranstvo sovremennykh informatsionnykh vojn [The global world as sphere of contemporary information warfare]. *Filosofiya i obshhestvo*. 2011. № 4. Pp. 33–49.

Sapozhnikova A. Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost' Rossii: sostoyanie i tendentsii [Info-psychological security of Russia: present and future]. *Vlast'*. 2008. № 2. Pp. 8–14.

Skovorodnikov A.P., Korol'kova EH.A. Rechevye taktiki i yazykovye sredstva politicheskoy informatsionno-psikhologicheskoy vojny v Rossii: ehtiko-pragmaticheskij aspekt (na materiale «Novoj gazety») [Tactics and language of info-psychological war in Russia: ethical-pragmatic aspect (based on "the New newspaper")]. *Politicheskaya lingvistika*. 2015. № 3 (53). Pp. 160–171.

Snesarev A.E. Filosofiya vojny [The philosophy of war]. M.: Finansovyj kontrol' Publ., 2003. 286 p.

Sokolova A.M. Informatsionnye vojny v usloviyakh globalizatsii: sotsial'no-filosofskij analiz [The information war in the context of globalization: a socio-philosophical analysis]: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11. Krasnoyarsk, 2007. 174 p.

Solonevich I.L. Narodnaya monarkhiya [The people's monarchy]. Otv. red. O. Platonov. M.: Institut russkoj tsivilizatsii Publ., 2010. 624 p.

Surma I.V. Global'nyj nadnatsional'nyj aktor mezhdunarodnykh otnoshenij i ego sotsial'naya filosofiya [A global supranational actor in the international relations and his social philosophy]. *Vestnik MGIMO*. 2013. Vyp. 4 (31). Pp. 141–151.

Surma I.V. TSifrovaya diplomatiya v mirovoj politick [Digital diplomacy in world politics]. *Gosudarstvennoe upravlenie. EHlektronnyj vestnik*. Vyp. 49. Aprel', 2015. Pp. 220–249.

Tagil'tseva YU.R. Lokal'nye informatsionno-psikhologicheskie vojny: osobennosti razvitiya v sovremennoj Rossii [Local info-psychological war: some peculiarities of development in modern Russia]. *Politicheskaya lingvistika*. 2010. № 4 (34). Pp. 171–175.

Tkachenko S.V. Informatsionnaya vojna protiv Rossii [The information war against Russia]. SPb.: Piter Publ., 2011. 224 p.

Tonkonogov A.V. Oligarkhicheskij kapitalizm kak ugroza natsional'noj bezopasnosti sovremennoj Rossii [Oligarchic capitalism as a threat to national security of modern Russia]. *Obshchestvo: politika, ehkonomika, pravo*. 2015. № 1. Pp. 8–13.

Turen A. Beseda s Alenom Turenom. Entretien avec Alain Touraine [Interview with Alain Touraine]. *Revue sciences humaines*. № 42. Août – septembre 1994. – tsit. po: TSyganov P.A. O sodержanii termina «mezhdunarodnyj aktor»: vklad sotsiologii [About the concept "international actor": the contribution of sociology]. *Prostranstvo i vremya v mirovoj politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh: materialy 4 Konventa RAMI v 10 t.: Vol. 1: Aktory v prostranstve i vremeni mirovoj politiki [Space and time in world politics and international relationships: proceedings of the 4 convent RAMI in 10 volumes : vol. 1 : Actors in space and time of world politics]*. M.: MGIMO-Universitet, 2007. 188 p. Pp. 30–42.

Fel'dman D.M. Mirovaya politika vo vlasti tolpy? [World politics under the power of the crowd?]. *Vlast'*. 2014. № 8. Pp. 28–32.

Filimonov G.YU. Rol' «myagkoj sily» vo vneshnej politike SSHA [The role of soft power in US foreign policy]: avtoref. dis. ...d-ra polit. nauk: 23.00.04. Moskva, 2013. 50 p.

Fomenko P.P. Zashhita lichnogo sostava ot informatsionno-psikhologicheskogo vozdejstviya protivnika na opyte voennykh kampanij v Afganistane i CHEchne [Protection of personnel from info-psychological influence of the enemy on the experience of military campaigns in Afghanistan and Chechnya]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 2007. № 2. Pp. 10–13.

Khalidov D.SH. Informatsionnaya vojna v Rossii: gor'kie plody zapadnichestva [Information war in Russia: bitter fruits of Westerners]. *Obozrevatel' – Observer*. 2011. № 8. Pp. 14–25.

TSyganov P.A. O sodержanii termina «mezhdunarodnyj aktor»: vklad sotsiologii [About the concept "international actor": the contribution of sociology]. *Prostranstvo i vremya v mirovoj politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh: materialy 4 Konventa RAMI v 10 t.: T. 1: Aktory v prostranstve i vremeni mirovoj politiki [Space and time in world politics and international relationships: proceedings of the 4 convent RAMI in 10 volumes : vol. 1 : Actors in space and time of world politics]*. M.: MGIMO-Universitet, 2007. 188 p. Pp. 30–42.

TSyganov V.V. Informatsionnye vojny v biznese i politike: Teoriya i metodologiya. [Information warfare in business and politics: Theory and methodology]. V.V. TSyganov, S.N. Bukharin. M.: Akademicheskij Proekt Publ., 2007. 336 p.

Chotchaev M.A. Sredstva i sposoby vedeniya sovremennoj informatsionnoj vojny. Rossijskaya politicheskaya nauka: istoki, traditsii i perspective [The tools and methods of modern information war. Russian political science: origins, traditions and perspectives]: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii. M.: RITS MGU im. M.A. SHolokhova Publ., 2014. Pp. 536–537.

Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]: uchebnoe posobie. 4-e izd. M.: Flinta: Nauka Publ., 2012. 256 p.

Shevtsov V.S. Formirovanie obshhestvennogo mneniya v politike v kontekste informatsionnogo protivoborstva [The formation of public opinion in politics, in the context of information warfare]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2015. № 4. Pp. 252–259.

Shikunov D.V. Sistema protivodejstviya terrorizmu v Rossijskoj Federatsii [The system of combating terrorism in the Russian Federation]. *Vlast'*. 2014. № 8. Pp. 190–192.

Shul'ts E.H.EH. «Oranzhevaya revolyutsiya» i tekhnologii upravleniya buntom [The "orange revolution" and revolt]. *Politehks*. 2013. Vol. 9. No. 3. Pp. 137–143.

Yusupov R.M., SHishkin V.M. Informatsionnaya bezopasnost', kiberbezopasnost' i smezhnye ponyatiya: cyber security vs informatsionnaya bezopasnost' [Information security, cyber security and related concepts: cyber security vs information security]. *Informatsionnoe protivodejstvie ugrozam terrorizma*. 2013. No. 21.

Baudot M. Une illustration de la guerre de l'information: Le conflit entre Israël et le Hezbollah de l'été 2006. [франц.] M. Baudot, E. Delcroix, B. Guiot, B. le Gouvello, M. Osada. École de guerre économique. 2007. 87 p.

Charbit Y. L'échec politique d'une théorie économique: la physiocratie [франц.]. Population (French Edition), (Nov. – Dec., 2002). Vol. 57. No. 6. P. 849–878.

David S. Alberts and others. Understanding information age warfare [англ.] David S. Alberts, John J. Garstka, Richard E. Hayes, David A. Signori, 2001. Chapter 1-2. P. 1–34.

Germain É. De la guerre à distance à une guerre désincarnée: les enjeux moraux d'une globalization du champ de bataille [франц.]. *International Review of the Red Cross*, 2014. Vol. 95. № 900. 28 p.

Nichiporuk B.U.S. Military opportunities: information-warfare concepts of operation [англ.]. *Strategic Appraisal: United States Air and Space Power in the 21st Century*, 1999. P. 187–223.

Rouquet M. Point de situation sur les operations psychologiques [франц.]. Base de Connaissance AEGE, 2009. Available at: <http://www.bdc.aege.fr> (accessed 09.11.2015).

Touraine A. Le Retour de l'Acteur [франц.]. *Essai de Sociologie*. Paris: Librairie Arthème Fayard, 1984. 241 p.

Lexicographic sources

Aberkrombi N. Sotsiologicheskij slovar': per. s angl. Pod red. S.A. Erofeeva. 2-e izd., pererab. i dop. M.: ZAO «Izdatel'stvo "EHkonomika"», 2004. 620 p.

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Pod red. S.A. Kuznetsova. SPb: NORINT Publ., 2000. 1536 p.

Mel'nik V.A. Sovremennyy slovar' po politologii. Mn.: Knizhnyj Dom Publ., 2004. 640 p.

Operatsii informatsionno-psikhologicheskoy vojny: kratkij ehntsiklopedicheskij slovar'-spravochnik. V.B. Veprintsev, A.V. Manojlo, A.I. Petrenko, D.B. Frolov. Pod red. A.I. Petrenko. 2-e izd., streeotip. M.: Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2015. 496 p.

Politicheskij slovar' Available at: <http://enc-dic.com/politic/Politicheskij-Aktor-3717.html> (accessed 25.10.2015).

Psikhologicheskij slovar' Available at: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=960> (accessed 26.05.2015).

Sotsiologicheskij slovar' Available at: http://enc-dic.com/enc_sociology/Obekt-1628.html (accessed 25.10.2015).

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov. Otv. red. N.YU. SHvedova. M.: Izdatel'skij tsentr «Azbukovnik», 2011. 1175 p.

Filosofskij slovar'. Pod red. I.T. Frolova. 8-e izd., dorab. i dop. M.: Respublik; Sovremennik Publ., 2009. 846 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Финогенко Ольга Валерьевна, государственный судебный эксперт федерального бюджетного учреждения Красноярской лаборатории судебной экспертизы Министерства Юстиции Российской Федерации

ФБУ Красноярская ЛСЭ Минюста России

Россия, 660049, Красноярск, ул. Сурикова, 20а

E-mail: finogenko_ova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Finogenko Olga Valer'evna, legal expert of Krasnoyarsk forensic laboratory of the Ministry of justice

The FBI Krasnoyarsk FEL of the Ministry of justice

20A Surikova str., Krasnoyarsk 660049 Russia

E-mail: finogenko_ova@mail.ru